

Слёзы Турана -22: Голова визиря

Category: Kitarcy, Taryhy proza

написано kitarcy | 24 января, 2025

Слёзы Турана -22: Голова визиря ГОЛОВА ВИЗИРЯ

...Пир длился пятый день. Пили с перерывами для охоты и смотра воинских отрядов. После парада уехали в загородное поместье визиря ал-Фалда, у которого гостили китайские циркачи и танцовщицы.

Уставший, с большими отеками под глазами, Санджар долго смеялся над укротителями жаб и мышей, а потом замолчал, насупив брови. Тут же затихла музыка, исчезли артисты, насторожились приближенные.

– Каймаз! – позвал султан. Справа поднялся красивый, гибкий юноша в черном халате, подпоясанном оранжевым платком. Нежное лицо и широкие плечи привлекли взоры всех. Стройный и пылкий баловень уверенно прошел к султану и сел рядом.

– Эй, кто там пялил глаза на этих грязных потаскух! – грозно крикнул Санджар, обводя замерших подчиненных взглядом. – Разве мой Каймаз не самый красивый на свете! Его храбрость и ум достойны восхищения. Взгляните на моего богатыря!

Приближенные поднялись. Юноша самодовольно оттолкнул ал-Фалда и встал перед султаном, заслонив старика. Все знали, как султан балует своего любимца и боялись этого заносчивого юношу. Эмир Кумач, довольный успехами при дворе своего родственника, счастливо улыбался, поглядывая в сторону визиря.

– Эй! – поднял Санджар высоко чашу. – Пьем за моего прекрасного Каймаза.

Юноша растолкал седобородых стариков, развязно уселся среди них. Визирь улыбнулся, но в глубине души у него давно кипела дикая ревность к новому фавориту.

Чуткий Каймаз понимал этот взгляд, и как ни широка была улыбка визиря, под глубоко надвинутой чалмой он увидел озлобленные глаза.

– Седлать коней! – тяжело переступая ногами, вдруг поднялся с атласной подушки султан. – Едем во дворец. Я хочу, чтобы мои приближенные видели и моих соблазнительных танцовщиц.

Свита поднялась с ковров, и длинная кавалькада потянулась к Мерву.

– Пусть все видят, как великие сельджуки награждают верных и преданных! – широко разносилось по холодному темному полю.

Город проскакали почти галопом. Одинокое прохожие забивались в расщелины дувалов и двory, чтобы не попасть под плети передовых стражников и под копыта лошадей. Заслышав голос охраны и храп коней, в домах тушили огонь...

Шумный отряд проскакал по дороге, выложенной кирпичом, и ввалился в огромный зал дворца. Вспыхнули светильники, зазвенела посуда, забегала прислуга, протирая сонные глаза...

А тем временем десять избранных воинов поскакали за хранителем ключей от кладовых с золотом. Маленький, с рысьими глазами, он, не доходя пяти-шести шагов, упал на колени перед султаном и поцеловал ковер.

– Слушаюсь и повинуюсь, – только и произнес хранитель кладов, скосив злые глаза на захмелевшего, надменного Каймаза. Старик догадывался, зачем его вызвали.

«Что еще нужно этому обрезку?..» – закрывая пылающие глаза, размышлял главный визирь.

– Пусть слуги принесут содержимое левой кладовой и высыпят к ногам моего любимого мальчика, – приказал Санджар.

– Богом и тобою мне предназначено, а Коран учит и повелевает, очень строго относиться к хранению этих богатств! – не выдержал главный визирь. – Щедрая рука да будет расчетливой! О, величайший, и без того все одарены твоей милостью, да сохранит аллах богатства великого Турана!

Глаза султана гневно заблестели. Владыка привстал.

– Ты хочешь, чтобы меня посчитали тяготеем к презренному металлу? Велик аллах на небе, а я единственный на земле! Должен ли я тяготиться богатством, подобно купцу на базаре? Или я должен быть похожим на ростовщика, отягощенного жадностью к золоту?

Визирь уронил голову на грудь, боясь показать ненависть к

Каймазу.

Зазвенели чаши.

– Слава великому сельджукиду! – крикнул Кумач.

– Радуй и властвуй сто и один год! – подхватил Каймаз.

Голоса звенели один громче другого. А через некоторое время, заглушая самые пылкие возгласы, зазвенели драгоценности из сундуков и мешков, обтянутых резной медью, перевязанных и скрепленных золотистыми шелковыми шнурами с печатями...

Каймаз стоял, гордо вскинув голову, положив руки на бедра... Он не видел, но всем своим существом чувствовал острый, ястребиный взгляд визиря ал-Фалда, грудь которого высоко поднималась от зависти. Правую руку Каймаз снял с бедра и опустил на ручку кинжала.

А золото и драгоценные камни все сыпались и катились к ногам фаворита.

Надолго запомнился этот шумный, полный неожиданностей день. Кавалькада снова понеслась к загородному замку визиря. И снова тени жались к дувалам, визжали раздавленные собаки и тухли огни в домах, едва лишь приближался дробный топот конских копыт.

После пира начальник стражи, опасаясь беды, в четвертый раз сменил постовых.

В покоях султана становилось тише, спокойнее. Санд-жар основательно опьянел и, обняв любимца, опустил голову на его грудь. Каймаз внимательно следил за Кумачом, который ожидал подходящего случая для выполнения своих замыслов. И вот он кивнул юноше. Каймаз, осторожно нащупав перстень на среднем пальце султана, тихо снял его и, положив под голову Санджара свернутый халат, осторожно уложил пьяного на пуховое одеяло.

У спальни визиря два высоких нубийца скрестили копья и преградили путь фавориту. Каймаз поднял с ковра блюдо с розовой водой и плеснул в лицо, чтобы отрезветь. Нубийцы еще ближе поднесли острия копий. Тогда юноша достал из-за пояса перстень султана и показал охране. Воины вытянулись. Каймаз быстро прошел в покои...

А через некоторое время Каймаз появился в зале и бросил к ногам полусонного султана голову визиря.

Санджар вздрогнул Схватившись за оружие, он перепуганно закричал:

– Измена!..

От всех дверей, из-за висевших ковров, из ниш к нему бросилась стража. Хмеля, как не было.

– Позвать эмира Кумача! – Уже более спокойно повелел султан.

– Я здесь, мой повелитель!

– Оставьте нас, – султан опустил на подушки, тяжело задумавшись. Его правое веко сильно вздрагивало, рябины на лице были особенно заметны. Присутствовавшие в зале, низко кланяясь, пятились к выходу.

Кумач отодвинул ногой голову визиря и опустил перед султаном на колени.

– Молчит, но видит и знает всевышний, что скоро завоюет шакал. А шакалы воют, если близко падаль. И только скачущий воин не доступен вонючим тварям, – ответил Санджар, метнув холодный, острый взгляд в сторону своего атабека.

– Страшен не вой, а трупный запах, который остается на клинке, – ответил Кумач.

– Опытные оружейники говорят: добрая закалка не только крепость дает оружию, но и запах стали, – отразил султан.

– Кто знает этот секрет? – спросил Кумач, вставая. – О величайший, да не оскорбят мои слова твой слух! Пусть будет объявлено, что визирь пал по величайшему указанию.

Санджар задумался, отхлебнул холодной миндалевой воды. Сильная, натертая рукояткой сабли пятерня резко откинулась в сторону Кумача Эмир понял великую благодарность Санджара и с жадностью поцеловал руку, на среднем пальце которой снова блистала резная царская печать.

– Но молю об одном: не оставляй без внимания поступок огузов. В Хиндустане есть закон: слона, познавшего вкус человеческой крови, – уничтожают... Пусть каждый почувствует, что беззаконие карается султаном строго и справедливо.

Санджар молчал и глядел на розовеющее небо за окном. Воспользовавшись этим молчанием, Кумач вкрадчиво заговорил:

– О величайший, ты не веришь мне, твоему атабеку. Тогда заставь составить свой гороскоп и твои светлейшие глаза

увидят, что последние события, предначертаны волей аллаха: мятеж в Самарканде, послы из Бухары и непокорность огузов... Даже поступок этого презренного обрезка, Каймаза, это ли не плоды твоей добросердечности! Скажу и так: отец любит сына, но ради этой любви он и наказывает его, заботясь о чести своего потомства.

Эмир Кумач хорошо знал своего султана. Он видел, как дернулось правое веко высочайшего. Легкая и торжественная улыбка тронула его лицо, но на этот раз Кумач ошибся. Не голос эмира задел душу Санджара. Перед грозным оком владыки снова, вот уже в который раз, вставали видения святого жертвоприношения, день, когда его уши пронзил, точно кинжалом, вырвавшийся случайно на праздничном ристалище возглас юного воина в барсовой шкуре... Рябое лицо снова напряглось.

– Ты, как всегда, прав, мой верный атабек Кумач! Отец любит сына, но он его и наказывает, как повелевает нам всевышнее небо. Ты правду говоришь. Иди!

Низко кланяясь, Кумач вышел из зала. Не сразу покинул он покои султана. Остановившись у двери, Кумач пристально посмотрел сквозь прищуренные веки в сторону своего воспитанника. Крепкая, корявая пятерня с силой сжала рукоятку кинжала, волосатые пальцы крепко стиснули холодное серебро. Но в тот же миг другая рука осторожно нащупала за парчевым поясом раздавленные лепестки нарцисса... Таруһу проза